

Опять на главной площади кричали.
Мы выползли из полутемных нор.
Кто там такой? В пыли его сандалии.
Пророк? Обманщик? Сумасшедший? Вор?
По-птичьему он размахивал руками
и щурил близорукие глаза.
Гудело над последними рядами
встревоженное:
– Что же он сказал?
– Любви и света... Счастья и покоя... –
Убрал со лба назойливую прядь.
Тяжелый воздух городского зноя
устал над тесной площадью дрожать.
Он, может быть, обманщиком и не был.
В лицо дышала хмурая толпа.
И кто-то крикнул раздраженно:
– Хлеба! –
И первым кинул камень. И попал.
Испуганно взлетели птицы с крыши.
Мы захлебнулись яростью своей.
Приподнимали женщины повыше
горластых любопытных сыновей.
Толпа урчала жадно и доволью.
Мы отступились – он еще дышал.
– Любовь... Несчастны. Невиновны. Больно. –
Закашлялся.
– Бессмертие... Душа...

НЕЗНАКОМКА

Пьяница тихий, поэт начинающий, утром
еле разлепит ресницы. Глаза – в потолок.
Тускло забрезжит вчерашняя память, как будто
и не своя. Гулко тикает правый висок.
Может быть, просто привиделась девушка в белом.
Челка, улыбка... А может быть, и в голубом.
Может, остаться сама она не захотела.
Но вероятней, что сам ее выгнал потом.
Вредно закусывать на ночь одними стихами.
Чудом не умер. Уж лучше бы умер. Вздохнет.
Встанет. Прошлепает в кухню босыми ногами,
к крану холодному жаждущим ртом припадет.
Строем – пустые бутылки, как взвод на параде,
по одному рассчитались. И край стакана
так ядовито испачкан в пунцовой помаде...
Может, соседская вновь приходила жена?
Или, наверно, другая какая-то дура.
Или не дура. А может быть, и не вчера.
Кто-то такой королевский оставил окурок.
В душ бы сейчас! Да и чай заварить дочерна.
Острое чувство вины примет с кротким смиреньем.
Створки окна в неизбежный распахнуты день.
Дразнит сознание – чье? – робкое прикосновенье.
И ускользает – чья? – полупрозрачная тень.
Он добровольно до вечера мучиться будет,
женское имя старательно припоминать
и отзываться на зов телефона не будет,
чтоб о любви гениальную ложь написать.

* * *

В этом городе двери железные
и на окнах решетки стальные.
Жители здесь хмурые и трезвые
даже в праздники и выходные.

Здесь никогда влюбленные
по тенистым аллеям не гуляют.
Переулки неосвещенные
в темноте беззвучной пропадают.

Вечерами здесь ложатся рано,
предварительно засовы проверив.
Луна сияет странно,
как зрачок хищного зверя.

Воет ветер. Или не ветер.
На перинах обыватели тонут.
Здесь на крик о помощи двери
ни за что никому не откроют.

И в окно не посмотрят даже.
Зажимая ребенку рот,
мать сердитым шепотом скажет:
– Будешь плакать –
злой бабайка унесет!

* * *

На нижней шконке спят,
укрывшись с головой.
Измучился мой взгляд
бессонницей лихой.
Ламп воспаленный свет
стекает с потолка.
В кармане больше нет
ни крошки табака.
Мешает думать мне
внимательный глазок.
Я отвернусь к стене
и до утра – молчок.
Так давит на виски...
До двери и назад
чеканные шаги
подковками стучат.
Товарищ капитан
принципиально злой.
Гремит двери капкан –
наверное, за мной...

* * *

Сквозь ветви нежно влажный воздух мреет.
Под солнцем снег, слепящ и ноздреват,
пластами оседая, тяжелеет.
На радостях не в лад и невпопад
орут вороны. Пластиковый мусор,
оставшийся от летних пикников,
со дна зимы на свет выносят юзом
живые перламутры ручейков.

Пакеты, пробки, банки из-под пива,
посуды одноразовой тщета.
Невдалеке трепещет сиротливо
презерватив, свисающий с куста.
А дышится!.. И сладко веет с южной
счастливой стороны. Не в лад орут
вороны в вышине и гадят дружно.
Припрятанный в глухом овражке труп,
все резче проступая из сугроба
синюшным запрокинутым лицом,
круги глазниц таращит и беззлобно
смеется неподвижным черным ртом.

В НЕКОЙ ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ

Переворот не удался – полковник убит.
В белом парадном мундире красивый такой
с пульей в груди на дворцовых ступенях лежит.
Всяко хотелось как лучше, но не повезло.
Рослые пальмы в кадучках колышут листвою.
Грустно сверкая, хрустит на паркетах стекло.
Бедный полковник! Ему не вести за собой
массы народные к счастью. Знамена борьбы
сникли, и днесь торжествует тотальное зло,
правды-свободы гнобит. И герою не быть
провозглашенным – пусть рупора треснет дуло! –
всепочитаемым гуру и богом живым.
Стих за разбитыми окнами отзвук пальбы.
Старый диктатор не сразу с испугом своим
сладил, покамест избегнув фатальность судьбы.
Кольт под подушку, и не доверяй никому!
Некогда сам он полковником был молодым.

Только удачливым был, и не ровня ему
пес этот мертвый, дерзнувший соперничать с ним.
Ну-ка, в стакан подлечиться плеснем коньяка!
А бунтарей в кандалы, на галеры, в тюрьму!
Самых отпетых на виселицу! И стакан,
выпив, шарахнул под ноги. Мол, быть по сему.
Вход во дворец охраняют гранитные львы.
Их стилизованных морд агрессивен оскал.
Выгнуты витиевато хвостов булавы.
Мимо подножий промаршировала в века
принцев наследных и пришлых сагибов череда.
Нынешний-то измельчал соискатель, увы.
Ох и нагрянет в родные пампасы беда!
Многим горячим парням не сносить головы.
Бог наш живой – да сияет в предвечности! – лют:
не расстреляет – в застенках сгноит без суда.
Впрочем, и суд что изменит при случае тут?
Ждет напряженная карабинеров страда.
Тех же, кто в дальней провинции скрыться решит,
местные сами мотыгами насмерть забьют,
чтоб не смущали. Уже благодушен и сыт,
вечером выйдет порадоваться на салют
в белом парадном мундире красивый такой...

ПЕТР

Тупым концом копья
подталкивая в спину,
Учителя, ликуя, увели.
Вслед улочка-змея
оград струила глину
и задыхалась в медленной пыли.
А осторожный Петр

за стражниками крался.
Сжималась птахой в каменной горсти
душа, когда народ
навстречу им смеялся:
– Царь Иудейский! Сам себя спаси!
Петр подойти не смел,
бесслезно изнывая,
к тому, кто будет после вознесен.
И яростно хрипел,
прохожих раздвигая,
измученный жарой центурион,
язычник и оплот
дряхлеющего Рима.
Безумствовала, весело скривив
разноплеменный рот,
чернь Иерусалима.
Петр прятался в сухой тени олив
и вздрагивал, когда
Учитель спотыкался.
Душистый шелест умершего дня
вдоль городских оград
в густой листве метался.
– Ты трижды отречешься от меня!
Но Петр еще не знал,
что скажет: «Я не знаю...»
В плащ плотно заворачивался свой,
болезненно дрожал
и горбился по краю
истертой и горячей мостовой.
Шум площадной затих.
Безмолвно и бездонно
раскрыли пасть ворота за углом.
Что ж ангелов слепых
двенадцать легионов

бездействуют в пространстве золотом?

Зови ж его, зови!

Тяни бесстыдно руки,

лови залитый кровью милый взгляд.

Есть мера для любви –

отчаянье разлуки,

твой, виноградарь, спелый виноград.